

lang, wobei die Qualität (oben Fälle, wo auch sie geändert ist) keine Rolle spielt, z. B.: 1. A. *ōw* 'ár | Strom' in 2. A. *ow*; 1. A. *pora* 'tutaj | Floß' in 2. A. *pōra*; 1. A. *āña* 'rakás, halom | Haufen, Hügel' in 2. A. *aña*; 1. A. *awraχ* 'meredek part | steiles Ufer' in 2. A. *āwraχ*; 1. A. *sūw* 'bot | Stock' in 2. A. *suw*; 1. A. *uŕpa* 'cirbolyafenyő | Zirkeltanne' im 2. A. *ūŕpa*. Hier kann es sich nicht um Druckfehler handeln. Laut S. 32 wird kurze und lange Quantität im Mansischen unterschieden. B. Kálmán hat die Länge auch in den nichtersten Silben bezeichnet, obwohl sie dort irrelevant sein soll (S. 32), z. B. *χōtalāli* 'csillog

| glänzen', *χosuwlāli* 'lóbál, himbál | hin und her bewegen', *χortiplāli* 'ugat, csahol | bellen, kläffen', *χōslōχ-pāwəl* 'falunév | Name eines Dorfes' (S. 101).

Obwohl in der vorliegenden Rezension die Hauptaufmerksamkeit auf die Fraglichkeiten konzentriert wird, die sich insbesondere beim Vergleichen der zwei Auflagen offenbaren, kann man schließlich feststellen, daß B. Kálmáns «Chrestomathia Vogulica» für die Erforscher und Erlerner des Mansischen sowie der ob-ugrischen Sprachen überhaupt ein wertvolles Hilfsmittel darstellt.

ERHARD SCHIEFER (München)

<https://doi.org/10.3176/lu.1979.3.13>

А. Х. Лаанест, Историческая фонетика и морфология ижорского языка. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук, Таллин 1978.

15 января 1979 года на заседании Специализированного совета Д 069.02.02 по присуждению ученой степени доктора наук в Тартуском государственном университете состоялась защита докторской диссертации старшим научным сотрудником Института языка и литературы Академии наук Эстонской ССР А. Лаанестом на тему «Историческая фонетика и морфология ижорского языка». Официальными оппонентами выступили доктора филологических наук П. Алвре (Тарту), З. М. Дубровина (Ленинград) и Г. М. Керт (Петрозаводск).

Несмотря на то что первое специальное исследование по ижорскому языку — докторская диссертация В. Поркка — было опубликовано уже почти сто лет тому назад (Ueber den ingriscchen Dialekt mit Berücksichtigung der übrigen finnisch-ingermanländischen Dialekte, Helsingfors 1885), ижорский язык до сегодняшнего дня остается наименее изученным среди прибалтийско-финских языков. Лет двадцать тому назад даже вопрос о существовании и месте этого языка в семье родственных языков был спорным — многие финские языковеды считали его просто одним из диалектов финского языка.

С начала 60-х годов А. Лаанест постоянно занимался сбором и проработкой материала по ижорскому языку. Из его

опубликованных трудов наиболее веским, несомненно, является монография «Ижорские диалекты» (Таллин 1966) — лингво-географическое исследование, которое содержит материал того же рода, что и рецензируемая работа. Однако в последней объем фактического материала больше и исследовательская методика усовершенствована, благодаря чему история ижорского языка и отношения его с ближайшими родственными языками рассматриваются значительно глубже. Цель, которую поставил перед собой автор, трудно достигима, поскольку кроме ижорских диалектов необходимо изучить в сравнительном плане те же явления и в водском языке, в финских диалектах Ингерманландии, в восточных диалектах финского языка и собственно-карельских диалектах карельского языка. Только таким путем можно реконструировать основные пути развития фонологической и морфологической систем ижорского языка начиная с древнекарельского периода до настоящего времени. Можно сразу отметить, что автор хорошо справился с поставленной задачей. Он отлично знает материал, необходимый для анализа, и в общем умело применяет сравнительно-исторический и лингвогеографический методы. В условиях интенсивного взаимного влияния близкородственных языков такой ход анализа

вполне оправдан. Поскольку в одной работе рассматриваются проблемы исторической фонетики и морфологии, оказалось возможным в рамках морфологической системы разобрать некоторые вопросы, по традиции трактуемые в исторической фонетике. Тем самым автор избежал ненужных повторений, хотя полностью избавиться от взаимных ссылок между разделами ему не удалось. Новизна работы А. Лаанеста в основном заключается в том, что это — первая монография, в которой на основе материала всех ижорских диалектов рассматриваются параллельно и историческая фонетика и морфология.

Объем исследования (341 с. машинописи) все же ограничивает возможности такой трактовки определенными рамками. В главу морфологии вошли только имя и глагол, поэтому возникает вопрос, оправдано ли на с. 23 выражение «историческая фонетика и морфология ижорского языка рассматриваются целиком...»? Ограничение темы только фонетикой или морфологией дало бы возможность углубить анализ, который иногда подменяется описательным аспектом. Чисто морфологическое исследование потребовало бы более точного расчленения материала с учетом типа основы, условий ударения, возможностей комбинирования основ с окончаниями; следовало бы также указать, какие черты в разных типах закономерны и какие появились позднее или развились по аналогии, как отдельные признаки сочетаются между собой в разных типах слов, какова динамика алломорфов и т. д. Несправедливо требовать всего этого от автора при теперешней постановке проблемы, однако нельзя отрицать, что работа содержит значительно больше языкового материала, чем автору удалось использовать для детального анализа. По мнению рецензента, диспропорция, обусловленная обширностью темы, не служит на пользу работе, хотя и прямо не наносит вреда основным ее заключениям.

Исследование состоит из введения, двух глав, заключения, списков использованной литературы и сокращений. В конце работы имеется карта ареала ижорских диалектов и схема, иллюстрирующая контакты ижорского языка с соседними языками; эту схему, впрочем,

следовало бы указать и в содержании.

Хотя автор перенес часть проблематики в главу морфологии, раздел фонетики (с. 25—207) все же почти в два раза длиннее посвященного морфологии (соотношение страниц 183 : 99). В исторической фонетике сначала рассматриваются согласные (128 с.) и потом в довольно сжатом виде гласные (55 с.). Следовало бы больше соблюдать пропорциональность и здесь. Примеры на любое языковое явление группируются по диалектам обычно в такой последовательности: сойкинский, хэваский, нижнелужский, ордежский. Географическая преемственность таким образом нарушается, поскольку сойкинский диалект распространен между ареалами других диалектов, но по-видимому, автор исходил здесь из других соображений, которые, правда, им не оговорены. Примеры каждого диалекта располагаются по деревням. Приводятся сравнения с вышеуказанными родственными языками. Заключения о древнекарельском и других периодах сделаны обоснованно, при необходимости автор вступает в полемику, опровергая прежние ошибочные взгляды.

Хотя рецензент считает в основном удачными как главу фонетики, так и главу, посвященную морфологии, в них есть места, которые вызывают у него сомнения или, по его мнению, нуждаются в доработке для внесения большей ясности. Ниже мы и остановимся на обстоятельствах такого рода.

На с. 25 правильно отмечено, что в сойкинском и хэваском диалектах смычные в начале слова могут произноситься полувзвонками как в ударной, так и в безударной позиции (*to-im voiça* 'другой сын'). Однако не указана причина или причины полувзвонкости; об этом все же надо было говорить, поскольку приведенные примеры позволяют делать существенные выводы.

На с. 34 и сл. рассматриваются корреляты приб.-ф. **k̄* и **t̄* (в работе, впрочем, ошибочно **k* и **t*) в ижорском языке в начале закрытого слога. К сожалению, здесь примеры не дифференцированы, т. е. случаи с **k̄* и **t̄* не отделены друг от друга. В 2/3 случаев из около 120 примеров читатель должен гадать, выпал ли слабоступенный коррелят *k* или *t* (*süän, suen, uar, teimmä* и др.). То же прихо-

дится сказать о приведенных на с. 37 случаях типа *kavvan*, *kävvä*, *havvad*.

Правомерно ли включение формы *tüär* 'дочь' (с. 36) в число случаев с выпавшим **k̄* или **l̄*? Прибалтийско-финская праформа имела не спирант, а геминату *(*tūtär*). Иж. *tüär* возникло в результате нерегулярного развития, как и *siar* 'сестра' из *sisar*.

На с. 48 и сл. встречаются неточности в написании слабоступенных коррелятов *p*, *k*, *t* (должно быть *ṗ*, *k̄*, *t̄*). Ошибочно высказывание на с. 49 о том, что *k* (должно быть **k̄*) выпал в таких словах, как *harmä* 'серый', *vättid* 'одежда' и др. Или автор считает, что здесь выпал **k*, а не **k̄*?

Поскольку в прибалтийско-финском языке-основе **t* и **t̄* были различными звуками, отнюдь не безразличен способ их написания. Рецензент не может согласиться с утверждением, что *t* окончания партитива в подавляющем большинстве имен исчез как после безударного, так и после побочноударного слога (с. 52). Следует различать два случая суффиксального чередования ступеней: окончание *-ia* слабой ступени после безударного слога и окончание *-ia* сильной ступени после главно- или побочноударного слога. В первом случае падение закономерно и в других прибалтийско-финских языках, во втором часто его не происходит.

На с. 49 слова типа *pimmlä* 'темный, слепой' ошибочно, по мнению рецензента, называются именами на **-eta*, **-etä*. Для сравнения отметим, что в книге автора «Sissejuhatus läänemeresoome keeltesse» (Tallinn 1975) правильно говорится о формах на **-eta*, **-etä*.

Чередование *hk* : *h*, по мнению А. Лаанеста, восходит к древнекарельскому языку, поскольку иначе трудно объяснить одинаковое распространение его в ижорском и карельском языках (с. 55). Однако почему не учтена возможность параллельного развития, в пользу которого говорит, по-видимому, сохранившееся нечередующееся сочетание *hk* в северном ареале собственно-карельских диалектов, а также в ливвиковском, людиновском и даже в савоских диалектах? Трудно поверить, что оно исчезло повсюду, а потом возродилось на этих терри-

ториях. Хотелось бы узнать и точку зрения автора о возрасте чередования *ht* : *h* (с. 66).

Следовало бы проверить правильность утверждения, что ни в одном языке не произошло фонетически закономерного перехода *ht* > *tt* (с. 97); ведь в юго-западных диалектах финского языка, по данным Х. Оянсуу, Л. Кеттунена и М. Раппола, изменения *hk* > *kk* и *ht* > *tt* вполне закономерны.

Геминацию в формах генитива и иллатива множественного числа типа *pattoin* 'горшков, в горшки' автор объясняет аналогией с формами *pattān* 'в горшок', *jokkin* 'в реки' (с. 125), но это необоснованно, поскольку дифтонг *oi* в форме *pattoin* не первичен, как, по-видимому, предполагает автор, а вторичен, возник в результате стяжения после выпадения согласного. Это объяснение относится, впрочем, и к восточным диалектам финского языка.

В трактовке дифтонгов (с. 175 и сл.) имеются недочеты. Отсутствуют примеры на дифтонги *oi*, *ui* в условном наклонении. Все же, по данным исследования Ю. Мягисте «Rosona (Eesti Ingeri) murde pääjooned» (Tartu 1925), в ижорском языке существуют формы *tahtoisin* 'я хотел бы', *mahtuiz* 'поместился бы' и др.

К примерам на дифтонг *oi*, восходящий к прибалтийско-финскому языку-основе, автор отнес и такие случаи множественного числа на сильную ступень из нижнелужского диалекта, как *rantoiz* 'на берегах', *sikoil* 'у свиней' (с. 177), что вряд ли правомерно из-за вторичности дифтонга. Нельзя считать первоначальным и долгий *i* в типе *olkist*; сущность этого явления в работе не рассматривается, что затрудняет и понимание параллельных случаев с дифтонгом. Смущает высказывание автора со ссылкой на Кеттунена, что дифтонг может сохраняться и в безударном слоге в водском языке (*adroilla* 'сохами') (с. 184). Такое толкование неверно, поскольку и здесь имеется дело с вторичным дифтонгом, возникшим на базе генитива и партитива множественного числа. В группе падежных форм множественного числа и образовавшихся от них наречий автор приводит *silloin* 'тогда' (с. 177), которое нельзя отнести туда без дополнительных пояснений; ведь неизбежно возникает вопрос, к какому

слову относится эта форма множественного числа.

Среди сочетаний гласных, образовавшихся путем стяжения, рассматриваются и некоторые сочетания на *-i* (с. 203), но здесь следовало бы разобрать и звуковые процессы в формах генитива и иллатива множественного числа, что необходимо для понимания истории множественного числа на *-i* сильной ступени. Что касается партитива множественного числа типа *pärrei* 'лучины', то здесь дифтонг *ei*, имеющий иное происхождение, чем в форме *päreitä* < **pärehitä*, требует дополнительных объяснений. На промежуточной ступени *pärejä* вторичный дифтонг исчез и только после падения конечного гласного возник снова. В работе не обращается внимания на эти различные слои вторичных дифтонгов. Явление известно, впрочем, и в некоторых финских диалектах.

На с. 199 автор утверждает, что второй компонент сочетания гласных ассимилировался в *m*-овом инфинитиве стяженных глаголов, несмотря на побочное ударение. Если в эту группу поместить и такие глаголы, как *urpoman* 'тонуть', *kaihoman* 'жаловаться', толкование неточно, поскольку из-за короткого третьего слога побочное ударение падало на четвертый: **úrpadāhan*, **kāihodāman*. Такова ситуация во всех прибалтийско-финских языках, что ясно показывают дактилические формы соответствующих слов в народных песнях, а также формы финского литературного языка *úrpoamassa*, *kāihoamalla*.

Глава морфологии (с. 208—306) местами несет неполную информацию. Так, читателю приходится гадать, какие из слов с окончанием партитива *-tta* (*olutta*, *venettä*, *pärettä*) имеют основу на *-k*, поскольку последние не отделяются от слов на *-t* (с. 208 и сл.). Кроме краткой попытки объяснить происхождение множественного числа на *-loi* (с. 227), хотелось бы видеть ссылки на объяснения других авторов.

Опираясь на общеизвестные факты, автор правильно констатирует, что множественное число с сильной ступенью, как и признак *-loi*, возникло из-за потребности отличать множественное число от единственного в тех случаях, когда обычного признака *i* недостаточно (с. 227).

Но приведенный в скобках пример *palkist* 'из бревна' — *palkkist* 'из бревен' в какой-то мере дезориентирует, поскольку *palkkist* с кратким *i* является совсем новым укороченным вариантом формы *palkkist*, которая и сегодня местами употребляется в ареале нижнелужского диалекта. Долгий *ī*, встречающийся в основах множественного числа, в диссертации вообще не анализируется. Возникает вопрос, считает ли автор указанный *ī* неизменным наследием прибалтийско-финского языка-основы, как и дифтонг *oi* в слове *jalkoist*, или же признает его развитие путем стяжения двух соседних слогов.

Поскольку автор принимает вторичный *oi* за первичный, неверно толкует он и геминию в формах нижнелужского диалекта *pattoiz* 'в горшках', *kalloist* 'из рыб', *sikkoil* 'у свиней' (с. 228). (Гемината якобы может быть закономерной только перед долгим гласным и дифтонгом, образовавшимися при стяжении.) А к этому типу и относятся все формы множественного числа с сильной ступенью (и для объяснения геминии не нужны никакие обходные пути). Рецензент не может согласиться с утверждением, что в формах на сильную ступень *verkköil* 'сетями', *nöttil* 'неводами' якобы выступает первичная гемината.

Партитив множественного числа (с. 241 и сл.) следовало бы рассматривать более дифференцированно. Надо было остановиться на плеонастических формах партитива (*kanoita* 'куриц', *met-sitā* 'леса'). Сейчас не упоминается и сам термин, не говоря уже об анализе явления. Нерасчлененный по основам материал не позволяет даже выделить различия между многосложными формами *lampaita* 'овец' — *ahvenita* 'окуней', тем более исключает возможность детального анализа. В связи с инструктивом (с. 249) заслуживает внимания сильная ступень, которая местами в нем встречается (*kaksin kertoin* 'два раза').

При рассмотрении перфекта и плюсквамперфекта (с. 277 и сл.) не обращено внимание на свойственное ижорскому языку противопоставление единственного и множественного числа в причастиях при помощи форм на *-nuD* и *-nēD*. В связи с имперсоналом (с. 286) не все примеры попали в правильную группу: формы с

кратким признаком *pannā* 'положат', *sūvā* 'кушают' не должны находиться рядом с формами *vizadā* 'бросают', *ked-rātā* 'прядут', где встречается длинный признак. В качестве окончания причастия прошедшего времени имперсонала указано *-(t)tu*, *-(t)tū* (с. 305), но среди примеров имеются и формы на *-du*, *-dū* (*mḍdū* 'проданный', *māndū* 'пошли').

Полезно было бы главу о морфологии снабдить таблицами склонения и спряжения, а в приложение поместить карты распространения отдельных фонетических и морфологических явлений.

Особенно удачна в работе хорошо расчлененная заключительная глава (с. 307—325), где наглядно показаны контакты ижорского языка с соседними язы-

ками, а также основные этапы развития ижорского языка. Некоторые неточности, указанные выше, отражаются и здесь, но, отметим еще раз, они составляют незначительную часть сложного комплекса проблем, рассматриваемых автором.

Общее впечатление от работы А. Лаанеста положительно во всех отношениях. Следует подчеркнуть мобилизующее и направляющее значение полученных результатов для комплексного исследования истории родственных языков вообще. Работы автора свидетельствуют о том, что А. Лаанест стал одним из ведущих специалистов по проблемам истории прибалтийско-финских языков, от которого и в будущем можно ожидать ценных исследований.

ПАУЛЬ АЛВРЕ (Тарту)

Н. С. Алямкин, Порядок слов в простом повествовательном предложении мордовских языков. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Саранск 1978.

13 ноября 1978 г. на заседании Специализированного совета Д 069.02.02 по присуждению ученой степени доктора наук в Тартуском государственном университете состоялась защита диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук ассистентом кафедры мордовских языков Мордовского государственного университета Н. С. Алямкиным на тему «Порядок слов в простом повествовательном предложении мордовских языков». Научный руководитель — кандидат филологических наук А. П. Феоктистов. Официальными оппонентами на защите выступили доктор филологических наук И. Г. Иванов (Йошкар-Ола) и кандидат филологических наук М. А. Келин (Саранск).

Выбор автором темы не случаен. Синтаксис в финно-угорском языкознании продолжает оставаться менее изученной областью. Не являются исключением и мордовские языки, хотя в последнее время появился ряд исследований по этой проблеме. Н. С. Алямкин выбрал для рассмотрения малозученный раздел синтаксиса — порядок слов в предложении, тему, во многом еще непонятую и совсем мало разработанную в общетеоретическом

плане. В последние годы, как известно, появились новые толкования сущности порядка слов и актуального членения предложения, связи между этими уровнями порядка слов. Новые толкования заставили несколько по-иному взглянуть на ряд вопросов синтаксической связи слов в предложении. Но, к сожалению, это в финно-угроведении как-то оставалось вне внимания исследователей.

Работа Н. С. Алямкина выполнена в описательном плане. Она состоит из введения, четырех глав и заключения. Во введении рассматриваются некоторые теоретические вопросы, связанные с сущностью порядка слов и актуального членения предложения, затрагивается вопрос о порядке слов в финно-угорских и мордовских языках, указываются факторы, определяющие порядок слов в предложении. В четырех главах анализируется порядок слов в мордовских предложениях, определяется место каждого члена предложения, дается подробная характеристика местоположения слов в мордовском предложении в зависимости от различных речевых ситуаций, устанавливаются некоторые общие закономерности расположения слов в мордовском предложении.